

Экологическая специализация России

Аннотация. Из-за обширности территории России происходящие в ней процессы имеют глобальное значение. Сегодня в мировом хозяйстве страна является главным образом экспортёром энергосырья, что ставит россиян в рискованную зависимость от разнообразных изменчивых факторов, связанных с его добычей и потреблением. В статье рассматриваются возможности изменения и расширения роли России как поставщика природных ресурсов и условий, необходимых для выживания и развития всего человечества. Автор утверждает, что главным богатством страны являются не отдельные полезные ископаемые или какие-то виды растительного и животного сырья, а вся совокупность природных компонентов культурного ландшафта.

Ключевые слова: экологическая специализация страны, сжатие обитаемого пространства, социально-экономическая поляризация, межэтническое разделение труда, экофильное природопользование

Russia's Ecological Specialization

Abstract. Given the vast scale of Russia's territory, ecological processes occurring within the country acquire global environmental relevance. In the current global economy, Russia primarily serves as an exporter of energy resources, which creates a state of ecological and economic vulnerability due to dependence on unstable factors related to extraction and consumption. This article examines the ecological reorientation of Russia's development strategy, with an emphasis on expanding its role as a steward of natural capital and a guarantor of global environmental sustainability. The author argues that Russia's primary wealth lies not in isolated mineral or biological resources, but in the integrity and diversity of its natural components within the cultural landscape—forming a basis for eco-friendly resource use and long-term planetary balance.

Keywords: ecological specialization, ecological vulnerability, natural capital, environmental sustainability, eco-friendly resource use, cultural landscape

Введение

Статья является непосредственным продолжением, а отчасти и «прикладным завершением» нескольких сотен ранее опубликованных работ, большинство которых обладает научным статусом в сфере теоретико-географического моделирования российского пространства или природно-культурного ландшафта [1]. Выступая с прогнозами, проектами, программами того или иного возможного и/или желательного будущего, научный работник в роли публициста нередко прибегает к заведомо несовершенному методу экстраполяции; от оценки вероятности прогнозов и осуществимости пожеланий приходится отвлекаться. Полагаем, что защитники природы и культуры должны быть максималистами в своих формулировках и требовать гораздо больше того, на что сами надеются, от государства и общества.

Для сохранения биосферы и выживания человечества необходимо, чтобы от четверти до трети всей земной суши занимали более или менее естественные леса, степи, прерии, луга, тундры, высокогорья с ледниками и снежниками и другие природные ландшафты с присущим им диким животным миром. Эта ориентировочная, весьма приблизительная экологическая норма почти столетия обсуждается в научной литературе и принята нами как некоторый важный квазипостулат [2]. Желательно, чтобы природные, натуральные земельные уголья пронизывали даже высоко урбанизированную и густо населённую людьми среду, хотя бы в виде нешироких коридоров. Поскольку во многих регионах мира это трудно осуществимо, то должна быть и экологическая компенсация на тех территориях, где природный ландшафт наличествует в избытке и имеет тем самым международное значение.

Россия – одна из немногих крупных стран (наряду с Канадой и Бразилией), для которой, на наш взгляд, желательна экологическая специализация [3; 4] – превращение большей её части в национальные парки, природные заповедники, а также в промыслово-охотничьи, рыболовные и прочие полудикие биоресурсные уголья, используемые в разумных пределах естественного прироста биомассы [5]. Рассмотрим доводы в пользу такого нестандартного решения.

Сжатие обитаемого пространства, ренатурализация ландшафта

После объявления в 1991 году республиками СССР своей независимости от союзного центра в России обнажились и усугубились черты инвертированного внутреннего колониализма [6], что проявилось, в частности, в переделе пригородных и городских земель [7]. Напротив, вдали от больших городов та самая земля, из-за которой в прошлые века было пролито немало крови и чернил, оказалась, выражаясь современным языком, «бесхозной».

Советские командно-административные кампании по освоению, заселению, подъёму, мелиорации разного рода территорий в некоторых случаях привели к их опустошению. Обитаемое пространство внутри Российской Федерации сокращается и фрагментируется [8]. Этот процесс стал весьма заметным ещё в советское время, особенно после укрупнения колхозов и объявления малых деревень неперспективными, а после краха СССР только усилился. Более или менее «цивилизованная жизнь» в современной России оказалась возможной только в больших городах и отчасти в их пригородах, а также кое-где вдоль крупнейших транспортных магистралей. Остальное пространство используется незначительно и даже слабее, чем до революции 1917 года.

Упадок деревни – это отчасти всемирный процесс, обратная сторона всеобщей урбанизации, но это и хроническая тысячелетняя болезнь России, вызванная непрекращающимся принуждением сельских жителей, которым не позволяли развиваться самостоятельно и которых постоянно давили, разоряли сверху – податями, повинностями, реформами, репрессиями. Только в XX веке деревня средней полосы России пережила: сталинскую реформу, Первую мировую войну, революцию и гражданскую войну, крестьянские восстания, коллективизацию с раскулачиванием, голодомор, Вторую мировую войну, репрессии против явных или мнимых коллаборационистов, переселение в опустевшие сёла из других регионов, острую нехватку мужчин, паспортизацию (равносильную отмене крепостного права, позволившую колхозникам бежать из деревни), укрупнение колхозов с ликвидацией «неперспективных» деревень, «мелиорации», химизацию, приватизацию с крахом и перерождением колхозов и совхозов, неразбериху с

собственностью, сезонную субурбанизацию [9] с превращением традиционной деревни в летнее поселение горожан.

В том или ином смысле «нормальное», «здоровое» сельское хозяйство за пределами Черноземья и Северного Кавказа существует в пригородных зонах вокруг больших городов, а разносторонняя крестьянская жизнь и демографически полноценное сельское население наблюдаются у некоторых народов Поволжья, Урала и Сибири – не столько как их этническая специфика, сколько как пережиток прошлого [10]. У этих народов в сельской местности сохраняется многодетная семья и патриархальный уклад, который в начале XX века был повсеместным и у русских крестьян (внутрисемейное разделение труда, отход на заработки в города и т. п.). Так, у поволжских татар сельское хозяйство, поддерживаемое всеми членами семьи, удачно сочетается с работой мужчин на городских стройках [11], а столичные строительные организации приспособились к такому вахтенному режиму.

В наши дни нерусские народы Волго-Урала оказались прекрасными наследниками русской крестьянской культуры [12; 13; 14]. Русские же, разорённые коллективизацией и раскулачиванием деревни, в большей степени переселились в города и утратили связь с землёй, в массе поступили на работу на фабрики, затем ушли в партию, органы, армию, разбрелись по огромной стране. А малые народы крепче держатся за свою землю как за единственную и незаменимую малую родину.

В остальной сельской местности коренное население заметно деградирует и вырождается; там круглый год проживают главным образом инвалиды и пенсионеры, а мужчины трудоспособного возраста перебиваются случайными заработками. Работодателю приходится приглашать на работу приезжих. На большей части российского Нечерноземья деревня если не исчезла совсем, то становится реликтовым явлением и поддерживается летней деятельностью горожан, а вокруг городов преобразовалась в дачные посёлки [7; 9; 15].

Известные надежды на экономическое и социальное развитие России можно отнести к её большим городам и к окружающему их субурбанизированному ядру, сосредоточенному вокруг Москвы и распределённому возле региональных «столиц» (центров «субъектов федерации»). А что

делать с остальной территорией, внешней и внутренней периферией, занимающей миллионы квадратных километров? Думается, что ареалы экономического затишья и упадка можно превратить в места процветающего природного ландшафта, который всё равно должен где-то размещаться.

После 1991 года в России увеличилась социально-экономическая поляризация, усилились различия и усугубился разрыв между богатым, влиятельным меньшинством и бедным большинством сограждан. Аналогично более резким стал контраст между столицей и провинцией, центрами и периферией на всех территориальных уровнях: и в стране в целом, и в каждом регионе (субъекте федерации), и во внутриобластном (сельском) административном районе, и в отдельно взятом городе. В географических районах разного размера и ранга относительный подъём центров сопровождается упадком окраин. Тем самым появляются новые «пустыри», подходящие для (само)восстановления природных биоценозов.

Разительная поляризация российского общества повлекла за собой экологическую поляризацию ландшафта, растительного покрова, дикого животного мира. В Нечерноземье исчезают созданные трудом многих поколений культурные угодья – пашня, сенокосы, пастбища – в противоположных транспортно-географических условиях: с одной стороны, вдали от больших городов и магистральных дорог, с другой – в пагубной близости от алчных городских застройщиков. В отдалённой от столицы сельской глубинке, особенно на западе Центральной России, в результате зарастания полей сорными травами, кустарниками и деревьями возникает временная, сукцессионная растительная и ландшафтная формация, которую географы метафорически назвали «русской саванной» [16]. В ближнем Подмосковье, вокруг бывших сёл, превратившихся в коттеджные посёлки, поля завоёваны крапивой и ядовитым борщевиком выше человеческого роста. Бывшие сельские поля обитателям коттеджей не нужны; опушки и придорожные полосы лесов понадобились чуть больше – как места для пикников и как слабо замаскированные нелегальные свалки бытовых отходов. Не исключено, что пригородные леса и пустоши более всего перспективны в качестве охотничьих угодий для «неопомещиков».

Поляризация животного мира идёт таким образом: погибают требовательные к среде звери-«аристократы», а выживают более всеядные «плебеи», приспособленные к сосуществованию с людьми. Почти на глазах у взволнованных телезрителей исчезают леопард и тигр, на спасение которых некоторые меценаты выделяют немалые суммы. Между тем, периодически увеличиваясь или уменьшаясь в численности, возвращаются в прежние места обитания и облюбовывают себе новые экологические ниши дикий кабан, лисица, заяц, лось, а временами и волк, успешно скрещивающийся на пригородных свалках с одичавшими собаками.

Несмотря на немалые достижения в области природоохранного законодательства, добиться его сколько-нибудь эффективного применения пока трудно. Элементы биосферы фактически сохраняются только благодаря относительно плохой транспортной доступности: в парадоксальных российских условиях бездорожье и удорожание транспорта экологически полезны. И, наоборот, нет более верного способа погубить любой природный объект, как провести к нему автодорогу. Относительно плохую транспортную доступность уязвимых природных объектов можно поддерживать, ускоряя и удешевляя сообщение по редкой, но мощной сети немногих главных магистралей; иными словами – не строить новые дороги, но улучшать существующие. В таком случае поездки в глубинку будут казаться сравнительно медленными, длительными и трудными, требующими чрезмерных затрат драгоценного времени. Это одно из фундаментальных положений концепции «поляризованного ландшафта» [2].

Способность природного ландшафта к самовосстановлению не следует недооценивать. Наряду с зонами чрезвычайного загрязнения и экологического бедствия, в России есть обширные территории, где даже при сильном нарушении и замене их естественного растительного покрова и других компонентов ландшафта не всё потеряно, природные территориальные комплексы могут восстановиться, там есть что сохранять, хотя леса вторичны и далеко не девственны. Представление о загрязнённости земной поверхности у подавляющего большинства россиян преувеличено, потому что они не отходят пешком далее двух километров от проезжих дорог. У обывателей, живущих в эпоху всеобщей автомобилизации, нет стимулов и поводов заглядывать

в неизвестный им «внедорожный мир», он для них просто не существует.

Экологический потенциал административных границ

Российский культурный ландшафт – результат взаимодействия с природой не столько общества, сколько централизованного государства [8], особенно периода после 1917 года. Географическое пространство современной России во многом подобно её бюрократической структуре. Сформировался уникальный централизованный ландшафт, в котором «вертикальные» (на местности и карте – радиальные) связи усилены, а «горизонтальные» (прочие) ослаблены. Например, все области, края, республики хорошо связаны с Москвой, но плохо – между собой, если не «нанизаны» на магистраль, ведущую к столице. И этот ландшафт в постсоветской России продолжает укрепляться, роль административных барьеров между территориями возрастает. Этой реликтовой, архаичной особенностью России можно воспользоваться в благих целях – в интересах охраны природы. Архаизм такого ландшафта не должен нас смущать, потому что в постиндустриальном (следовательно, неиндустриальном) обществе могут и должны возрождаться многие черты доиндустриального и даже «первобытного» образа жизни (например, в рекреации).

В сильно централизованном советском и постсоветском пространстве почти все «производительные силы» (вне мест добычи ископаемых) сосредоточены в центрах «субъектов федерации» и реже в их вторых городах (таких, как Тольятти и Череповец). А на границах регионов в стороне от межобластных дорог сформировались малолюдные «мёртвые» полосы, где традиционные сельские поселения в лесной зоне исчезли ещё в советское время. Здесь в наибольшей степени происходит вышеописанное одичание культурного и возрождение природного ландшафта. Аналогична ситуация и в сети внутриобластных административных районов, но их приграничные полосы гораздо уже.

Для поддержания жизнеспособности и целостности биосферы природные уголья должны не только занимать достаточную площадь, но и составлять сплошной массив, хотя бы в виде зелёных коридоров. Существующие в России административные границы – почти готовый каркас для эконета,

т. е. для сплошной трансконтинентальной сети «особо охраняемых (правильнее было бы называть их особо сберегаемыми) природных территорий» (ООПТ) [17], о которой в других странах только мечтают. Там надо выкупать и рекультивировать многие земли, возмещая разным владельцам ущерб и упущенную выгоду, а в нашей стране пограничная зелёная сеть растёт сама собой, оставаясь пока вне всякой экономики; происходит стихийная эконетизация административных границ [18].

Для сохранения благоприятного экологического потенциала нужна стабильность административно-территориального деления (АТД), а оно у нас, к счастью, практически не изменялось с середины XX века. Плоды некоторых изменений, внесённых Н. С. Хрущёвым, были после его отставки ликвидированы. С тех пор наши регионы овеществились и окостенели, превратились в своего рода коммунальные предприятия и феодальные усадьбы, а их границы стали «живыми изгородями», уже используемыми для модных ныне национальных парков. Размещение природного парка на окраине субъекта федерации воспринимается теперь как норма, но, к сожалению, наши национальные парки обычно располагаются по одну сторону межобластной границы, а по другую её сторону такой же лес нещадно эксплуатируется, что лишнее свидетельствует об изоляции и несогласованности развития соседних регионов. Крупнейшие ООПТ должны быть интеррегиональными кондоминиумами или находиться в федеральном подчинении.

В 2004 году проекты радикальной реформы АТД изрядно напугали географов, всю жизнь занимающихся районированием, но пока возвращение некоторых автономных округов под власть своих областей и краёв не привело к сколько-нибудь заметной передвижке и упразднению границ. А объединение, например, Смоленской области с Тверской или Ульяновской с Татарстаном в одну губернию маловероятно. Угроза реформы АТД остаётся в виде запасного козыря, который чиновники когда-нибудь опять извлекут при удобном случае. Но если такая реформа пройдёт, как и при создании федеральных округов, нашим обычным способом, т. е. путём группировки имеющихся целых единиц, то их границы лишь частично изменят свои ранги и проницаемость, останутся на месте и сохранят своё экологическое значение. Валдайскому медведю безразлично, является ли некоторая линия границей

только между Тверской и Новгородской областями или она разделяет к тому же ещё и федеральные округа: ему важно, что граница отталкивает людей, а своей конфигурацией сохраняет для нашего зверя уютный «медвежий угол».

Влияние административной границы на прилегающие территории зависит, между прочими факторами, от возраста этой границы и степени её извилистости. Окостенению культурного ландшафта и экономическому опустошению, а следовательно, возрождению природы на приграничных территориях способствуют границы старые, давно устоявшиеся и слабо извилистые, имеющие исторических предшественников в виде прежних хозяйственных, административных, государственных границ. Повышенной «экофильностью» или «биогенностью» обладают узлы границ, т. е. стыки (обычно трёх) разграничиваемых административных территорий; такие места особенно благоприятны для природных заповедников.

Идее эконета, пересаживаемой на российскую почву, может угрожать профанация. В урбанизированных ареалах велик соблазн вырубить большую часть лесов и оставить от них только узкие зелёные коридоры. Однако природа не станет укладываться на произвольно отведённое ей прокрустово ложе. Эконет придуман экологами не для уменьшения площади существующих природных угодий, а для их сохранения и расширения. Руководствуясь извращённой идеей эконета, можно погубить природный ландшафт, а вину за это свалить на учёных.

Унаследованному от СССР командно-административному сектору народного хозяйства – вооружённым силам – можно найти экологическое применение. Министерство обороны РФ – крупнейший в мире консолидированный землепользователь почти десятой, если судить, например, по Подмосковию, части страны. В гигантской советской державе военным предоставили большие площади для выполнения их прямых функций. И сегодня вокруг полигонов сохраняются неплохие леса и богатый животный мир, нежели под натиском дачников и автомобилей.

Расположение и очертания этих территорий напрямую не связаны с АТД, а природопользование в них не зависит от региональных властей. Но это и требуется для эффективной охраны природы. Такие земли в России и по своему ландшафтному наполнению, и по географическому положению – своего рода

природные заповедники. В наших интересах, чтобы эти земли сохранялись за военными ведомствами как можно дольше, так как частники вырубят леса и застроят всё гораздо гуще.

Во многих случаях существующие заповедники, национальные парки, природные заказники содержат на своей территории военные объекты и полигоны, то есть определенное сосуществование природных и военных охраняемых территорий в стране сложилось давно. Наши военные сегодня оберегают занятый ими природный ландшафт, поэтому следует сохранять существующую ситуацию.

У вооружённых сил должны развиваться новые функции – оборонять страну от экологической агрессии, нежелательной иммиграции, экологического и демографического давления соседей, что вполне осуществимо при создании в российской армии подразделения экологической полиции [19]. Для российской земли ныне опасны скупщики её сырья, использующие российских браконьеров и компрадоров; с этой публикой может бороться наша армия, которая и так широко привлекается для помощи при стихийных бедствиях, используется при лесных пожарах, наводнениях, землетрясениях, то есть принимает прямое участие в решении экологических проблем. Большим, растянутым во времени и пространстве стихийным бедствием может считаться весь нынешний всемирный экологический кризис, а потому и помощь военных весьма уместна.

Межэтническое разделение труда и менталитет

В полиэтнических империях нередко складывалось следующее разделение труда: к господствующему этносу, состоящему из прямых потомков завоевателей, обычно принадлежали чиновники и землевладельцы; инородцы занимались разными ремёслами, торговали, выполняли чёрную работу. В средневековом обществе такое разделение функций закреплялось сословиями, кастами, конфессиями; в наше время оно образуется неформально в силу различного доступа разных этносов к тем или иным ресурсам и в зависимости от того, какие ниши уже заняли другие этносы.

В Российской империи межэтническое разделение труда процветало в западных и юго-западных губерниях, в Крыму, в Нижнем Поволжье, на Кавказе, в Средней Азии. Так, в дельте

Волги, которую мы изучали в 1952 и 1954 годах в ходе Прикаспийской экспедиции географического факультета МГУ, до революции 1917 года татары выращивали овощи и бахчевые культуры, калмыки и казахи (тогда называвшиеся киргизами) занимались скотоводством, а русские ловили рыбу. Рыболовство было главным стимулом завоевания низовьев Волги Россией. За вольными рыболовами, первоначально не подчинявшимися никакому правительству, приходили войска и присоединяли акваторию и территорию к Московскому государству.

Советская власть боролась с межэтническим разделением труда, но до конца его не искоренила. Ловить рыбу с одинаковым успехом могли все «национальности», но на работу чабанами пришлось брать казахов. И в наши дни, т. е. в начале XXI века, в заволжских степях пасут скот выходцы с Кавказа и из Казахстана, а овощи выращивают корейцы [10, 11].

Если в каком-то российском регионе местное население само культурно не использует землю и не позволяет это делать приезжим, то это прискорбно с точки зрения классической политэкономии, но для самовосстановления природного ландшафта – весьма полезно. Многие россияне, особенно мужчины, не могут представить себя в ролях обслуживающего персонала, который постоянно улыбается и кланяется клиентам, но в предлагаемом экологическом проекте это учитывается. Нашим согражданам предлагаются такие должности, на которых они могут оставаться достаточно холодными и суровыми: охранять родную землю, не пускать на неё браконьеров.

Ландшафт и этнос (почти по Л. Гумилёву) взаимосвязаны; один без другого – ни возродить, ни уничтожить. В национальных парках хозяйственная деятельность не запрещается, но ограничивается. Как правило, это традиционные сельские и охотничье-промысловые занятия аборигенов. А таковыми являются не только экзотические исчезающие народы, но и некоторые более крупные. Гигантский природный парк необходим в России для сохранения русского народа. Нужна надёжная этноприродная территория для тех россиян, которые не хотят рвать связь с родным ландшафтом и сельской местностью. А где, кроме особого рода охраняемых (сберегаемых) территорий, можно сохранить в качестве культурного наследия и типичный «русский» пейзаж,

запечатлённый в творениях художников, и старинные помещичьи усадьбы, и традиционную русскую деревню?

В нашем понимании на такой особой территории (protected area) специальными мерами сохраняются, охраняются, защищаются некоторые уязвимые, беззащитные, слабые, исчезающие, реликтовые, редкие, уникальные, особо ценные элементы природного и культурного наследия.

Проживающие на таких землях и выходцы оттуда наделяются особым рода привилегиями – компенсационными и оборонительными. Привилегии являются компенсационными, если они отчасти возмещают ущерб, не столько материальный, сколько моральный, за нанесённую данному народу историческую травму, за то, что предков этих аборигенов истребляли, вытесняли, считали дикарями, подвергали дискриминации и т. д. Привилегии являются оборонительными, если на данной территории ограничивается деятельность чужих, посторонних, которые могли бы разрушить традиционный образ жизни и местный ландшафт.

В эпоху глобализации и всемирной стандартизации желательно и необходимо возрастание социальной роли государств как защитников своих граждан и хранителей своего этнокультурного и природного наследия. Роль резерватов для национальных культур и государственных языков выполняют многие государства и этнические автономии. Российская Федерация и республики, выделенные по этническим признакам, в той или иной мере заботятся о сохранении национальных языков и культур, а заботы эти следует распространить на весь культурный ландшафт и его природные компоненты, так как без сохранения родного ландшафта не может сохраниться и народ как целое; при утрате земли, почвы, ландшафта народ может сохраняться только в диаспоре. Россия может стать рекреационно-экологической зоной мира, экологической страной, лесопарковой зоной континента, решая в своем развитии новые, неожиданные, непривычные задачи, покоряя человечество уникальным вкладом в дело сохранения биосферы, стать экологическим полюсом всего Восточного полушария.

Экономике России предстоит решение таких социальных задач, таких как улучшение окружающей среды, оздоровление и увеличение продолжительности жизни населения, обеспечение доступным жильём, повышение качества образования, сохранение

и развитие науки и гуманистической культуры. Погоня монопольных производителей за сверхприбылями, а потребителей за быстро устаревающими техническими новшествами способствует дальнейшему загрязнению и разрушению биосферы; развивающаяся автомобилизация приводит к противоположному результату – к парализации транспорта вообще [20]. Строительство многоэтажных домов в городах и коттеджей в пригородах, скупка земли и лесов с уничтожением природного ландшафта являются не функциональными, а инвестиционными мероприятиями, поскольку для инвесторов это надежные способы вложения капитала. Нередко не соблюдаются правила природопользования, антимонопольное и трудовое законодательство, санитарные нормы, нарушается рецептура при изготовлении лекарств и пищевых продуктов, имеет место уклонение от налогов. Все это с точки зрения гуманизма и здравого смысла выглядит весьма сомнительно и постепенно доходит до сознания экологически ориентированного потребителя.

Экологическая специализация страны предполагает экофильное хозяйство на большей части территории: экстенсивное животноводство с содержанием полудикого скота, рыболовство, охоту, собирательство, рыбо- и дичеразведение – потребительское, спортивное, товарное (для внутреннего и внешнего рынка); экологический туризм [21] – активное передвижение людей ради контакта с природным ландшафтом, который потребляется главным образом информационно, духовно, как источник впечатлений, а не сырья и товаров, без присвоения и разрушения природных ресурсов посетителями. Аналогичные впечатления мы получаем в музеях и на выставках, но, как известно, «восторги от созерцания природы выше, чем от искусства» (П. И. Чайковский).

Потомки крестьян, переселившихся в город, не порывают с деревней, приезжают туда на лето, используют и преобразуют старое фамильное жильё. Многие россияне, подолгу или постоянно живущие за рубежом, а также их потомки, смогут посещать «историческую родину» в качестве туристов и рекреантов. Как показывают наблюдения, именно эта категория россиян проявляет наибольший интерес и неравнодушие к нашей стране. Вместе с тем чистая экзотика, суровая природа, возможности для нешуточного экстремального туризма привлекают и иностранцев, и коренных россиян.

Находясь на определенной стадии мировой урбанизации, Россия может принять на себя глобальные функции – быть источником и резервуаром чистой воды и воздуха, местом физического и духовного оздоровления своих жителей и посетителей. Но главная и первоочередная задача – простое сохранение природных территориальных комплексов, биогеоценозов, фрагментов биосферы, мирового климата. Если где-то какой-то туризм, даже самый экологический, или какая-то хозяйственная деятельность, даже весьма экофильная, мешает природоохранным задачам, то такой туризм и такое хозяйство не нужны.

Есть мнение, что Западная Европа и так уже должна России как экологическому донору за кислород, вырабатываемый нашими лесами и болотами [22], за отказ сельского хозяйства от химикатов, загрязнявших моря через речной сток. Отсюда лишь шаг до мысли, что основной доход Россия должна иметь от благостного недеяния. Невмешательство в естественный процесс периодически применяется в агрономии, когда земледелец, посадивший растения, на некоторое время оставляет их в покое. Благостным недеянием не раз бывало невмешательство государства в экономику, которая расцветала благодаря этому принципу – «laissez faire et laissez passer». Благостное недеяние, или плодотворное невмешательство, означает, что мы доверяем выращиваемому и воспитуемому, предоставляем ему свободу, надеемся на его способности к саморазвитию и самоорганизации. Сегодня принято думать, будто для достижения результатов всегда надо действовать, а чтобы чего-то достичь, надо иметь надлежащее финансирование. Такая точка зрения и соответствующий ей образ действий становятся разрушительными для биосферы и человеческого общества. Современному человечеству, охваченному манией деятельности, недостаёт понимания благодати недеяния.

Труд в «развитых» странах стал настолько производительным, что уже исключает необходимость работы в странах с низкой производительностью и порочными трудовыми отношениями; глобальный мир прощается с господством наёмного труда и сплошной занятости [23]. Не исключено, что вскоре большинство земель будет жить на пособия.

Жизнь на пособия бестолкова и обрекает на обнищание тех, кто одержим приобретением материальных благ, но если у

личности преобладают духовно-информационные интересы, если это некоммерческий писатель, поэт, художник, учёный, не способный или не желающий приспособливаться к рынку, то он может продвигаться в своём личном творчестве, по линии своих хобби, привлекая к ним других таких же свободных от принудительного труда людей и становясь их лидером. Не впадая в преувеличение, можно сказать, что современная цивилизация, ставшая лишь в XX веке такой рыночной, в значительной мере сформирована в XVII – XIX веках деятелями, не работавшими по найму, а жившими за счёт своей ренты или на содержании у меценатов. В наши дни во многих странах в местном самоуправлении подвизаются граждане, не получающие за это никакой зарплаты; среди них могут быть и рантье, и пенсионеры. Для многих видов творчества и публичной деятельности просто необходимо, чтобы получаемый доход не имел ни малейшей связи с характером занятий, дабы они не извращались коммерческими стимулами. Мир явно стоит на пороге радикального изменения трудовых отношений, но нам не хватает подходящих терминов для описания этого процесса, а привычные слова «занятость», «зарплата», «безработица» и т. п. скорее мешают понять происходящее.

Экологическая, как и иная возможная специализация России может сложиться в результате саморазвития постиндустриального мира при вероятном воздействии институтов гражданского общества [24]. Социально ответственная и экологичная глобальная экономика, не раздираемая соперничеством государств и транснациональных корпораций, – это и есть мечта о конвергенции капитализма и социализма (почти по А. Сахарову).

Многие полезные социальные институты возникли из вредных и порочных: правовое государство из силового, частная собственность – отчасти благодаря краже (почти по П. Прудону); знаменитые коллекции и музеи пополнялись грабителями и скупщиками краденого. Материальный и научно-технический прогресс своими темпами и результатами обязан отвратительным человеческим качествам – агрессивности и алчности. Если даже злодеяния нередко становятся локомотивами культуры, то почему бы не задействовать на экологической ниве такие всеобщие и сравнительно безобидные пороки, как лень, пассивность, апатия, боязнь риска, недоверие к новшествам и др. Вместе с тем полагаем,

что известные недостатки россиян исторически преходящи и преодолимы, так что сами по себе они могут служить не причиной, а только дополнительным поводом для экологического развития нашей страны. Главный фактор – объективные особенности географического положения и природных условий.

Приоритет уникальности и особый путь России

В середине XX века в советском Азербайджане на Ленкоранской низменности вырубали уникальные субтропические леса, чтобы «завалить Москву помидорами». То было и решение чиновников, спущенное сверху, и естественное давление народной рыночной (базарной) экономики снизу, со стороны колхозов и приусадебных хозяйств. Пару десятилетий спустя СССР аналогичным образом погубил западносибирскую и якутскую тайгу, чтобы залить Европу нефтью и засыпать мир алмазами. Некоторые отечественные экономико-географы возражали против подобного конформистского использования природных ресурсов. Они полагали, что в каждом месте надо выращивать, производить прежде всего то, что можно получить только здесь [25]. Это правило можно распространить на всю человеческую деятельность и назвать приоритетом уникальности.

С точки зрения здравого смысла выбор специализации страной или регионом вполне аналогичен профессиональной ориентации. Если человек проявляет уникальные способности, скажем, в сфере искусства или науки, то надо избавить его от необходимости зарабатывать на жизнь рутинным трудом, которым могут заниматься миллионы прочих людей. Так и экономика постсоветской России должна способствовать расцвету уникальности и личности, и региона.

Теоретики глобализации советуют развивающимся странам не стремиться делать всё то, что уже делают развитые страны, а реализовывать свои специфические возможности и таким образом оказываться вне конкуренции. Конечно, некоторые страны «третьего мира» достигают высокой экономической эффективности и конкурентоспособности в определённых отраслях хозяйства на основе хищнического расточения невозобновляемых природных ресурсов и нарушения достойных человека условий труда [23], но это – тупиковый путь, ведущий к близкому краху. России тоже пора выбрать путь, с учетом и использованием нашей географической

специфики, приоритетного развития собственного природного и культурного наследия, и в силу огромности нашей страны её особенности имеют глобальное значение.

Излагаемая программа экологизации России касается большей части её земли, но не занятий большинства людей. Никто не предлагает всем россиянам стать охотниками и рыболовами, сторожами и егерями, служить в экологической полиции, изображать поселян и пастухов на потеху туристам и т. п. Экологическая специализация предполагается для той части российской территории, на которой проживает ничтожно малая часть населения. На остальной площади, которая фрагментарно, островами разбросана преимущественно по юго-западной полосе и охватывает места постоянного проживания подавляющего большинства наших сограждан, специализация может и должна быть совсем иной – отвечающей вызовам постиндустриального развития.

Превращение части России в экотерритории не помешает, а наоборот, поможет её большим городам быть центрами науки и высоких технологий, если государство приложит к этой задаче надлежащие усилия. Горожане приобретут более здоровую природную среду для повседневной жизни и для творческого труда. Как раз умственный труд инженера, программиста, учёного великолепно сочетается с экологическим туризмом и, более того, по-видимому, и не может без него существовать.

Не случайно застрельщиками активного туризма в СССР были инженеры, техники, научные работники из ВПК. «Инстинктивно» нащупав для себя единственно правильную оздоровляющую компенсацию их суровому повседневному образу жизни, эти люди, задолго до прихода в нашу страну модных слов трекинг, хайк, экстрим, открыли для себя такой вид досуга, как самодеятельные туристские походы по «ненаселёнке», по тайге, горам, порожистым рекам. Невозможно представить, как бы трудились эти работники в своём серьёзном ведомстве, если бы не научились сами себя физически и духовно оздоравливать и укреплять при контакте с почти дикой природой, ставшей для них и объектом своего рода культа. Отчасти превосходством в вооруженных силах и успехам в освоении космоса наша страна обязана в определенной мере походному туризму [26; 27].

Россия должна развивать у себя опытно-конструкторские работы, экспериментальное, малотиражное и опытное производство; потом продавать свои научно-технические достижения для внедрения их в многолюдных странах с нормальной трудовой этикой [28]. Это посильная для страны задача, поскольку условия для воспроизводства инженеров, конструкторов, учёных у нее сохранились.

Никто, кроме самих россиян, не сможет помешать процветанию наших больших городов в постиндустриальной эре. Но на части России, где сегодня проживает ничтожная часть ее населения, пусть благоденствует природа.

Экологическая специализация способствует сохранению территориальной и политической целостности России. Сегодня государствоподдерживающим этносом является русский народ. Но поддерживать государство с такой огромной территорией одному русскому этносу не под силу, тем более перед лицом возрастающего демографического давления некоторых стран и регионов. Для поддержания своего государства русскому народу следует искать надёжных союзников, опираясь на экологические движения всего мира; быть может стоит организовать своего рода экологический интернационал, противопоставив его хищничеству транснациональных корпораций. Думается, что именно глобальный, международный подход к природоохранной миссии России больше всего способствовал бы сохранению её уникальности и специфичности.

При этом у проекта экологической специализации – блистательные идеологические перспективы. Величию, уникальности, особой духовности России и об её мессианской роли экологическая программа не противоречит; напротив, она даёт дополнительную пищу этому. Выразители и защитники различных идеологий могут обрести в экологической концепции свои ниши, например: востребованность российских экологических продуктов; создание в большом количестве природных заповедников и парков и соответственно здоровых условий для жизни народа; уменьшение притока иммигрантов; замедление дерусификации страны; возрождение деревни в качестве колыбели народа, его корней и почвы; становление России как великой экологической державы [29]; сохранение целостности многоэтничной России как особой цивилизации и др.

Русская православная церковь может поддержать идею экологической миссии России. РПЦ придаёт важное значение социальной работе, неотъемлемой частью которой во всем мире считаются экологические мероприятия. Их покровителем может быть почитаемый православный деятель Сергей Радонежский, который, по преданию, знал язык зверей и птиц и, как свидетельствует известнейшая картинка из его жития, договорился с медведем, хозяином леса, чтобы тот не препятствовал ему основать монашескую обитель. У католиков есть своего рода «патрон» экологии Франциск Ассизский, отличавшийся бережным отношением ко всем живым существам. Он не дожил до пожилого возраста, святость свою проявил в молодости и является покровителем именно молодёжных социальных и экологических движений.

Для экологического воспитания не следует пренебрегать и мифами. С этой точки зрения полезен дед Мазай, спасавший зайцев, – литературный персонаж, придуманный русским писателем. Перевоспитать весь народ в любом, в том числе и в экологическом, направлении можно за очень короткий срок, всего в несколько месяцев, при помощи телевидения, которое при заинтересованности хозяев СМИ способно прививать разные идеи и добрые чувства.

Заключение

Сегодня Россия, как и СССР, живет за счёт невозобновляемых природных и антропогенных ресурсов. В настоящее время экологическая тема активно не обсуждается ввиду ряда причин, но в скором времени надо будет напрячь силы на этом направлении.

Следует подчеркнуть, что адекватное понимание экологических проблем у народа не сформировано. Под «экологией» обыватель понимает главным образом загрязнение и, не будучи в силах эту ситуацию изменить, нередко даже гордится своей выносливостью: «А мы – ничего: живём, дышим этим воздухом, пьём эту воду». Но «экология» не сводится к загрязнению. В этой сфере многие технологии разработаны и в иных странах успешно применяются. Другое дело – ландшафтно-территориальные аспекты охраны природы; они в нашей стране интересуют лишь крайне узкий круг учёных и не освещаются в

СМИ, а всё то, чего не показывает телевидение, для общества не существует.

Российские экологи надеются на внутривитический маятник, который рано или поздно качнётся в их сторону, и наполнены ожиданием неотвратимого рассвета [30]. На наш взгляд, необходимо разрабатывать социальные проекты экологической направленности, даже заведомо безнадёжные и более чем несвоевременные. Вырастающие на почве научных исследований такие проекты надо оценивать независимо от веры или неверия в их осуществимость. Многие давно осуществлённые изобретения и идеи начинали свою жизнь как утопии. Тема экологической специализации России может шокировать своей непривычностью и прямолинейностью формулировки, но это – не изолированный экспромт, а завершение целой пирамиды аргументов и фактов. Сама система ранее опубликованных работ (их у автора статьи около 480) выстроилась таким образом, что остался лишь последний шаг для решающего вывода.

Изложенные в статье идеи сегодня могут рассчитывать на безоговорочную поддержку разве что очень решительных экологов, которые считают, что люди вообще не имеют никакого права господствовать над природой, должны уступить дикому животному миру чуть ли не половину суши и ни под каким предлогом не вмешиваться в жизнь заповедников, не тревожить их обитателей даже научными исследованиями [31]. Следует признать эту точку зрения привлекательной для народа, хотя понятно, что вряд ли возможно её «научное обоснование», так как она относится к сфере морально-нравственных убеждений и квазирелигиозной веры.

В общем можно предположить, «что, сохраняя, оберегая своё, Россия на самом деле, может быть, лучше других стран работает на сохранение всей Земли в будущем» [22, с. 78].

Литература

1. Родоман Б. Б. Территориальные ареалы и сети. Очерки теоретической географии. Смоленск: Ойкумена, 1999. 256 с.
2. Родоман Б. Б. Поляризованная биосфера: Сб. статей. Смоленск: Ойкумена, 2002. 336 с.

3. Родоман Б. Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире: «нестандартное решение»? // Пути России: существующие ограничения и возможные варианты. М.: МВШСЭН, 2004. С. 80–85.

4. Родоман Б. Б. Экологическая специализация России в глобализирующемся мире (Проект нестандартного решения) // Общественные науки и современность. 2006. № 2. С. 78–88.

5. Уатт К. Экология и управление природными ресурсами. М.: Мир, 1971. 463 с.

6. Родоман Б. Б. Внутренний колониализм в современной России // Куда идет Россия? Социальная трансформация постсоветского пространства / под общ. ред. Т. И. Заславской. Вып. 3. М.: Аспект-Пресс, 1996. С. 94–102.

7. Родоман Б. Б. Великое приземление (парадоксы российской субурбанизации) // Отечественные записки. 2002. № 6 (7). С. 404–416.

8. Каганский В. Л. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство: Сб. статей. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 576 с.

9. Махрова А. Г., Нефёдова Т. Г., Трейвиш А. И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008. 343 с.

10. Нефёдова Т. Г. Сельская Россия на перепутье: Географические очерки. М.: Новое издательство, 2003. 403 с.

11. Нефёдова Т. Г., Пэллот Дж. Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна корова? М.: Новое издательство, 2006. 315 с.

12. Каганский В. Л. Внутренний Урал // Отечественные записки, 2003. № 3. С. 427–437.

13. Каганский В. Л., Родоман Б. Б. Неизвестная Чувашия // Гуманитарная география. Научный и культурно-просветительский альманах. Вып. 2 / сост., отв. ред. Д. Н. Замятин. М.: Ин-т наследия, 2005. С. 449–484.

14. Родоман Б. Б. Башкирия: начало пути // Отечественные записки. 2003. № 3. С. 438–444.

15. Город и деревня в Европейской России: сто лет перемен: Монографический сборник / под ред. Т. Нефедовой. М.: Объединенное гуманитарное издательство, 2001. 557 с.

16. Родоман Б. Б., Каганский В. Л. Русская саванна // География (еженедельник). 2004. № 5 (732). С. 3–11.

17. Шварц Е. А. Экологические сети в Северной Евразии // Известия РАН. Сер. геогр. 1998. № 4. С. 10–15.

18. Каганский В. Л. Пространство в исследованиях Б. Б. Родомана и ученых его школы // Известия РАН, сер. геогр. 2009. № 2. С. 112–120.

19. Каганский В. Л., Родоман Б. Б. Экологические блага российского милитаризма // Отечественные записки. 2004. № 1 (16). С. 369–377.

20. Родоман Б. Б. Экономика всеобщего загрязнения // Отечественные записки. 2007. № 2 (35). С. 45–52.
21. Дроздов А. В. Основы экологического туризма. М.: Гардарики, 2005. 271 с.
22. Гольц Г. А. Культура и экономика России за три века, XVIII – XX вв. Т. 1. Менталитет, транспорт, информация (прошлое, настоящее, будущее). Новосибирск: Сибирский хронограф, 2002. 535 с.
23. Бек У. Что такое глобализация? М.: Прогресс-традиция, 2001. 303 с.
24. Перегудов С. П. Корпорации, общество, государство: эволюция отношений. М.: Наука, 2003. 352 с.
25. Ракитников А. Н. География сельского хозяйства (проблемы и методы исследования). М.: Мысль, 1970. 63 с.
26. Родоман Б. Б. Под открытым небом: о гуманистичном экологическом воспитании. Изд. 2-е. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2006. 182 с.
27. Родоман Б. Б. Досуг вне государства: самоорганизация походных туристов // Отечественные записки, 2005. № 6 (27). С. 206–213.
28. Рубан О. Приручить дракона // Эксперт. 2008. № 13. С.78–85
29. Россия и её регионы. Внешние и внутренние экологические угрозы / ред. Н. Н. Клюев. М.: Наука, 2001. 214 с.
30. Ларин В. И., Мнацаканян Р. А., Честин И. Е., Шварц Е. А. Охрана природы России: от Горбачёва до Путина. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2003. 415 с.
31. Борейко В. Е. Этика и менеджмент заповедного дела. Охрана дикой природы. Серия. Вып. 53. К.: Логос, 2005. 328 с.

Reference

1. Rodoman BB. Territorial areas and networks. Essays on theoretical geography. Smolensk, Publishing House “Oecumene”. 1999; 256 p. (in Russian)
2. Rodoman BB. The Polarized Biosphere: Collected articles. Smolensk, Publishing House “Oecumene”. 2002; 336 p. (in Russian)
3. Rodoman BB. Russia's environmental specialization in a globalizing world: “non-standard solution”? In: Ways of Russia: existing restrictions and possible options. Moscow, Moscow School of Social and Economic Sciences Publishing House. 2004;80-85 (in Russian).
4. Rodoman BB. Russia's environmental specialization in a globalizing world (Non-standard solution project). Social Sciences and Contemporary World. Journal. 2006;(2):78-88 (in Russian).
5. Watt K. Ecology and resource management. Moscow, Mir Publisher. 1971; 463 p. (in Russian)

6. Rodoman BB. Internal colonialism in modern Russia. In: Zaslavskaya TI. (ed.) Where is Russia going? Social transformation of the post-Soviet space. Issue 3. Moscow, Aspect Press Ltd. 1996;94-102 (in Russian).

7. Rodoman BB. The Great Landing (paradoxes of Russian suburbanization). *Otechestvennye zapiski. Journal.* 2002; 7(6):404-416 (in Russian).

8. Kagansky VL. Cultural landscape and Soviet habitable space: Collected articles. Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie.* 2001; 576 p. (in Russian)

9. Makhrova AG, Nefedova TG, Treyvish AI. Moscow region today and tomorrow: trends and prospects of spatial development. Moscow, *Novyj khronograf.* 2008; 343 p. (in Russian)

10. Nefedova TG. Rural Russia at the crossroads: Geographical essays. Moscow, *Novoe Izdatelstvo,* 2003; 403 p. (in Russian)

11. Nefedova TG, Pallot J. Unknown agriculture, or Why do you need a cow? Moscow, *New Publishing House.* 2006; 315 p. (in Russian)

12. Kagansky VL. The Inner Urals. *Otechestvennye zapiski. Journal.* 2003;(3):427-437 (in Russian).

13. Kagansky VL, Rodoman BB. Unknown Chuvashia. In: Zamyatin DN (ed.) *Humanitarian geography. Scientific and Cultural Educational Almanac.* Issue 2. Moscow, *Institut Naslediya.* 2005;449-484 (in Russian).

14. Rodoman BB. Bashkiria: the beginning of the path. *Otechestvennye zapiski. Journal.* 2003;(3):438-444 (in Russian).

15. Nefedova T (ed.) *City and village in European Russia: one hundred years of change: A monographic collection.* Moscow, *Ob"edinennoe gumanitarnoe izdatel'stvo.* 2001; 557 p. (in Russian)

16. Rodoman BB, Kagansky VL. Russian savannah. *Geography (weekly).* 2004;732(5):3-11 (in Russian).

17. Shvartz EA. Ecological networks in Northern Eurasia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya.* 1998;(4):10-15 (in Russian).

18. Kagansky VL. Space in the research of B. B. Rodoman and scientists of his school. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya geograficheskaya.* 2009;(2):112-120 (in Russian).

19. Kagansky VL, Rodoman BB. Ecological benefits of Russian militarism. *Otechestvennye zapiski.* 2004;16(1):369-377 (in Russian).

20. Rodoman BB. Economics of universal pollution. *Otechestvennye zapiski.* 2007;35(2):45-52 (in Russian).

21. Drozdov AV. *Fundamentals of ecological tourism.* Moscow, *Gardariki Publisher.* 2005; 271 p. (in Russian)

22. Golts GA. *Culture and economy of Russia for three centuries, 18-20 centuries. Vol. 1. Mentality, transport, information (past, present, future).* Novosibirsk, *Sibirskij khronograf Publisher.* 2002; 535 p. (in Russian)

23. Beck U. What is globalization? Moscow, Progress-tradiciya Publisher. 2001; 303 p. (in Russian)
24. Peregudov SP. Corporations, society, and the state: the evolution of relations. Moscow, Nauka Publishing House. 2003; 352 p. (in Russian)
25. Rakitnikov AN. Geography of agriculture (problems and research methods). Moscow, Mysl' Publisher. 1970; 63 p. (in Russian)
26. Rodoman BB. Under the open sky: on humanistic environmental education. Moscow, KMK Scientific Press. 2006; 182 p. (in Russian)
27. Rodoman BB. Leisure outside the state: self-organization of hiking tourists. Otechestvennyye zapiski. 2005;27(6):206-213 (in Russian).
28. Ruban O. Tame the dragon. Expert. 2008;(13):78-85 (in Russian).
29. Klyuev NN (ed.). Russia and its regions. External and internal environmental threats. Moscow, Nauka Publishing House. 2001; 214 p. (in Russian)
30. Larin VI, Mnatsakanyan RA, Chestin IE, Shvarts EA. Conservation of Russia Nature: from Gorbachev to Putin. Moscow, KMK Scientific Press. 2003; 415 p. (in Russian)
31. Boreyko VE. Ethics and management of conservation business. Wildlife protection. Series. Issue 53. Kiev, Logos Publisher. 2005; 328 p. (in Russian)

Статья поступила в редакцию 10.01.2024
The article is submitted 10.01.2024